

Д.В. Макаров

Ульяновский государственный университет

Царство Небесное в трилогии Е. Замятина о революционном Петрограде

Три рассказа «Дракон», «Мамай» и «Пещера», написанные с 1918 по 1922 годы, составляют своего рода маленькую трилогию о жизни революционного Петрограда и бытии человека в трагедийных обстоятельствах современности. Появление этих рассказов определило место Е. Замятина в литературном процессе и создало ему репутацию писателя доставляющего удовлетворение «самым ярким врагам Октября» [Воронский, 1922, с. 61]. В этих рассказах Замятин взгляделся в сегодняшний день не с позиций революционных, а с общечеловеческих и христианских. М. Чудакова отметила, что Замятин увидел в сегодняшнем дне «главное – остановленность, признаки начинающейся стагнации» [цит. по: Замятин, 1990, с. 510]. Но это еще очень мягко сказано. Не просто остановленность показал писатель, но движение назад – в «пещеру» Каменного века: «Между скал, где века назад был Петербург, ночами бродил серокоботый мамонт. И завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья – пещерные люди отступали из пещеры в пещеру. На Покров Мартин Мартиныч и Маша заколотили кабинет; на Казанскую выбрались из столовой и забились в спальне» [Замятин, 1990, с. 167]. Куда же двигаться дальше?

Специфика художественного осмысления реальности Замятиным в данных рассказах, во многом, определяется своеобразной (вывернутой наизнанку) иронией, представляющей, на первый взгляд, едкий сарказм, который на деле оказывается чистой правдой. Ирония Замятина имеет своим истоком народную смеховую скоморошью культуру и является продолжением гоголевского «смеха сквозь слезы», только наоборот: «слезы сквозь смех». При этом мысль Замятина футуристична, направлена в будущее: не ищет причин и объяснений катастрофы, а пытается определить, сколько еще будет продолжаться это безумие и каким может быть исход? Ответ, для современного уха, звучит страшно: «без пересадки – в Царствие Небесное. Штычком» [Там же, с. 156]. Ирония? Несомненно, но за ней – историческая правда. Но чтобы понять это, надо обратиться к содержанию понятия «Небесное Царство» и хотя бы кратко проследить исторические изменения отношения к этому понятию в русской духовной культуре.

Что же такое – Царство Небесное? На Руси это понятие всегда имело христианское содержание. Православие понимает смысл жизни человека как «спасение», которое есть единение с Богом – достижение Царства Небесного. Новый Завет утверждает, что Царство Небесное наступает там, где находится Христос: «С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17); «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Мф. 12, 28). Нагорная проповедь, заповеди блаженства и притчи Христовы пронизаны идеей Царства: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 10); «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то»

(Мф. 13, 44). Таким образом, Царство Небесное – это конечная цель устремлений христианина. Так определяет Евангелие.

Лучшее философско-богословское определение Царства Небесного, пожалуй, дал русский философ XX века Иван Ильин. Для него Царство Божие – «реальное совершенство <...>, понятое в становлении, нас всех охватывающее и всех преображающее» [Ильин, 1996, с. 425].

В определении Ильина объясняется христианское понимание Царства Божьего как подлинной реальности: «над материальным миром, а одновременно и внутри его, существует целостный духовный мир, как бы живая божественная ткань, к которой человек должен прилепиться душой и телом. Эта ткань могущественнее, чем все материальное, могущественнее законов природы и человеческого тела. В этой ткани ничто истинное не утрачивается, в нее вплетается, в ней возвышается всякое доброе желание, всякая слеза раскаяния, всякий акт любви, пусть он даже чисто природного свойства. Вот эту ткань особого измерения мы бы хотели обозначить как Царство Божие.

Кто в это Царство Божие проник, кто на него работает, кто служит ему, тот никогда не поверит в победу зла, ибо праведник уже тогда победитель, когда, по земным меркам, кажется, что он проиграл в борьбе. Кто бросил якорь в Царстве Божиим, никогда не пропадет. Кто действует по закону этого Царства, тот живет в его ритме, и сам по себе храним и оберегаем. Кто в любви живет, тот любовь и несет. Кто поступает по совести, тот пребывает в руках Божиих: ему не надо страшиться ни стихий природы, ни зверья, ни человека. Он спокойно пройдет между саламандрой и драконом и не уstraшитсЯ смерти. В Божиим Царстве нет и разлуки: истинная молитва соединяет людей, невзирая на расстояния, а истинная любовь преодолевает смерть. Да, даже смерть не может разлучить духовно близких людей, ибо Божий хитон “...не сшитый, а весь тканый сверху” (Ин. 19, 23-24) и его нельзя разделить на части. Люди как христиане, следовательно, призваны объединиться в этом Царстве молитвой, словом и делом и трудиться в духе Христа ради преображения человека и природы.

Такое мировоззрение не есть теория, выдуманная богословами, заумная система или доктрина духовного сословия. Оно есть в значительной мере живая основа русского православного воззрения, настоящая народная вера, которая постоянно пробивается во всех областях русской культуры, проявляется при малейшей возможности то безмолвно, то в твердой уверенности, то в поэтических строчках, то в героическом подвиге, то в эпитафии на могильной плите, то в прекрасном обычае, то в царском указе» [Там же, с. 465].

По Ильину, Царство Небесное – некий «параллельный мир», неосяцаемый обычными органами чувств, но реально существующий, некая тонкая материя, особая стихия бытия, «глас хлада тонка» (3 Цар. 19, 12), золотой поток вечности, прикосновение к которому исцеляет душу, умиротворяет, начинает преображать человека из земного (плотского, самолюбивого, смертного) в небесного (духовного, жертвенного, вечного). Причем это не просто синоним загробного мира, а реальность, приобщиться к которой человек может еще на земле – духовно.

Пути к Царству Небесному в разные исторические периоды на Руси были различны. Например, князь Владимир-Святой устремляется к нему верой, принятием крещения, милосердием. Исполнением заповедей и мученичеством достигают Царства святые Борис и Глеб. Подвигами: постом и молитвой открывают врата Царствия преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергий Радонежский и другие русские святые-монахи. Юродивые приобретают Небесное ценой отречения от всего земного, даже своего разума и доброго имени.

Если же человек не достигает Царствия в полноте, то, хотя бы, встает на путь к нему, на путь покаяния, как, например, князь Игорь в «Слове о Полку Игореве», или как герои бытовых повестей XVII века: «О горе-злочастии», «О Савве Грудцыне», которые раскаиваются в своих грехах и уходят в монастыри. А покаяние – первый шаг ко спасению.

В XIV – XV веках русская духовная культура достигла своей высшей точки – гармоничного воплощения святости (Царства Небесного) в земном человеческом бытии. Преподобный Сергей Радонежский явил этот образ в себе самом, а иконопись Андрея Рублева (также Дионисия, Феофана Грека) отразила его. Не только иконопись, но и архитектура достигла расцвета – были созданы непревзойденные шедевры храмового зодчества. Это начало реальной воплощенности христианского идеала Преображения, которого Русь достигла в XIV – XVI веках. Для сторонников идеологии «Москва – Третий Рим» это явилось подтверждением истины того, что Москва действительно стала православным государством. И в середине XVI века русское общество (в лице Царя и Церкви), по достоинству оценив эти духовные достижения, решило зафиксировать их формы на все времена, буквально построить Царство Божие на земле. Но в результате, «в религиозной жизни Руси устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, “обрядового исповедничества”, который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении» [Федотов, 1990, с. 197].

Причина упадка была в том, что верхушка общества отказалось от духовного опыта нестяжателей – заволжских старцев, многие из которых были учениками преподобного Сергия и продолжателями традиций исихазма. Данное направление монашества (соль христианства) было подавлено и надолго отстранено от влияния на Церковь и жизнь государства. Это стало духовной трагедией Древней Руси.

Когда в XVIII веке формируется светское искусство, и его непосредственная связь с христианством рвется, идея Небесного Царства исчезает из литературы. И появляется стремление изукрасить землю, превратить землю в Рай уже в этой жизни (даже в архитектуре XVII века эта идея выражалась достаточно ярко). По замыслу Петра I Петербург должен был стать Парадизом – Раем, но уже не Небесным, а земным.

Об этом же говорит появление в XVIII веке в русской литературе жанра утопии, который в Европе возник еще в эпоху Возрождения. В Средние века представление о Рае – Золотом Веке – было классическим, то есть христианским: Рай потерян Адамом. Золотой Век представлялся находившимся в далеком прошлом. И его возвращение мыслилось только в эсхатологическом плане – после Второго Пришествия. Но никогда он не мыслился в настоящем или в будущем (в пределах исторической жизни человечества). В утопии же некая модель Золотого Века (идеально устроенного человеческого общества) уже представляется существующей в настоящем или в историческом (достижимом) будущем. Соответственно, жанр антиутопии направлен против этой идеи и утверждает обратное: невозможность построения Рая на земле.

К середине XIX-го века утопическая идея соединяется с идеей социального преобразования общества. Отсюда же происходит символистская концепция революции рубежа веков: старый мир прогнил, революция есть движение стихийных сил, которая обновит мир.

Осуществившаяся революция принесла разочарования, но вначале она была воспринята восторженно, в ней увидели возможность осуществления утопических устремлений. Поэтому в первые месяцы после февраля 1917 года газеты и журналы пестрели утопическими произведениями. Но достаточно быстро наступило разочарование. Е. Замятин (роман «Мы») и рассказы о революционном Петрограде), И. Шмелев («Убийство», «Солнце мертвых»), М. Булгаков («Роковые яйца», «Собачье сердце») и многие другие создают произведения, проникнутые уже не утопическими, а, наоборот, антиутопическими мотивами.

Ожидаемое символистами и всем обществом преобразование мира не наступило после революции, мир в очередной раз не стал Раем. Скорее, наоборот, как показал Е. Замятин, мир стал подобием ада – «разбушевавшимся каменным океаном», гото-

вым «хлынуть внутрь» «шестиэтажных каменных кораблей» [Замятин, 1990, с. 157] и погубить всех пассажиров.

Парадиз-Петербург «горел и бредил» и стал «люто замороженным» городом, «бредовым, туманным миром», порождающим чудовищ – драконо-людей. И этот новый тип человека – драконо-человек – стал ни кем иным, как «проводником в Царствие Небесное» [Замятин, 1990, с. 157]. Именно такую авторскую характеристику (конечно, ироничную!) он получает в рассказе Е. Замятина «Дракон». И свою миссию в мире сам человек-дракон понимает именно так: «На трамвайной площадке временно существовал дракон с винтовкой, несся в неизвестное. Каргуз налезал на нос и, конечно, проглотил бы голову дракона, если б не уши: на оттопыренных ушах каргуз засел. Шинель болталась до полу; рукава свисали; носки сапог загибались кверху — пустые. И дыра в тумане: рот.

Это было уже в соскочившем, несущемся мире, и здесь изрыгаемый драконом лютей туман был видим и слышим:

– ...Веду его: морда интеллигентная – просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь, а? Разговаривает!

– Ну и что же – довел?

– Довел: без пересадки – в Царствие Небесное. Штычком» [Там же, с. 156].

Несомненно, нельзя не учитывать специфической замятинской иронии при характеристике Дракона «проводником в Царствие...», но, как было отмечено в начале статьи, за этим скоморошым сарказмом – жизненная правда.

Упоминание Царствия Небесного в рассказе Е. Замятина «Дракон» не случайно. Ведь количество Новомучеников в XX веке превысило число всех русских святых предыдущих времен. Именно по этому пути прошли все новые русские мученики: от высокопоставленных митрополитов Киевского Владимира и Петроградского Вениамина и самого Императора до простых и порою безвестных мрян.

В этом маленьком цикле рассказов о послеоктябрьском Петрограде, используя своеобразную иронию («слезы сквозь смех»), Замятин показал, во-первых, что послереволюционный «бредовый мир» очень не скоро снова станет «человеческим миром». И, во-вторых, что в XX веке для русского человека, обманувшегося утопической мечтой – революцией, остался один путь в Царствие Небесное – исповедничество и мученичество.

Практически та же мысль утверждается Замятиным и в написанном в эти же годы рассказе «Тулумбас», имеющем подзаголовок: «послание смиренного Замуття, епископа Обезьянского». Адресовано это послание было членам шуточного общества – «Обезьяней великой и вольной палаты», созданной в первые годы революции А. Ремизовым. Тулумбас – название турецкого барабана, с которым часто выступали скоморохи. А скоморохи и шуты, как известно, даже во времена самой страшной реакции, одни имели право говорить правду – в форме шутки. Именно таково послание епископа Замуття, в котором автор повествует о жизни земли Алатырской, превратившейся в некое подобие монастыря. Без труда за монастырскими порядками Алатыря угадываются реалии смутного, скудного и голодного времени революции: «Нет уже велелепия, и кимвалов, и тщеты мирской, но во всем скудота изящная и убожество, какое инокам надлежит. Памятуя, что украшение телесное есть веселие князю тьмы, жители здесь ходят во вретисах, рубищах, власяницах. И не умащают себя благовонными маслами, подобно язычникам, и не украшают золотом и камением драгоценным, но напротив того, презирая плоть, бегают даже водного омовения, ибо чистота душевная – вяще телесной и нежность плоти от бани – пагуба есть. Мудростью трапезных старцев жители-иноки блюдут здесь непрестанный и строгий пост: не только мяса не приемлют, но и рыбы, елей же – однажды в год. Вина же и ликера, разжигающих блудную похоть, рождающих смех и веселие, и скакание бесовское, – не ведают вовсе...». Это описание как нельзя лучше характеризует быт героев пертроградских рассказов, особенно Мартина Мартиныча и Маши из «Пещеры».

И о самом главном – о пути в Царство Небесное – говорит скоморох Замятий: «И более того скажу вам, возлюбленные братья: умиленные слезы я пролил здесь, ибо нет под солнцем земли столь ревнующей о спасении душ и о погублении здешней, тленной жизни – ради грядущей, нетленной. Чаемое явилось во плоти: вся земля Алатырская объявлена единой ставропигиальной обителью, и все жители от мала до велика приняли постриг, а иные и большую печать, и жизнь их – подлинным стала житием» [Замятин, 1990, с. 165].

Литература

- Воронский А. Литературные силуэты. Ш. Евг. Замятин // Красная новь. 1922. № 6.
Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1990.
Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 тт. Т. 6. Кн. 2. – М., 1996.
Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Предисл. Лихачева Д.С., Меня А.В.; Коммент. Бычкова С.С. М., 1990.